Герман Алексей Юрьевич

11.11.99.

Сергей ХВОРОСТОВ

Герман и Кармалита

Кинороман мастера и его подруги

ГЛАВНЫЕ действующие лица этого романа сегодня известны всем.

Герман – высокий, толстый, вечно всклокоченный. Дома – мыслитель и вальяжный сибарит, на съемочной площадке – то опасный безумец, то тончайший артист. Трогательный, ранимый, чуткий. Саркастичный, грубый, злопамятный. Гениальный режиссер.

Кармалиту трудно запомнить, но нельзя забыть. За смытыми чертами – нечто от истовых героинь Достоевского. Счастливое легкомыслие уживается в ней с ежесекундной готовностью идти напролом. Талантливый сценарист, дома она варит обеды и охраняет «Лёшин покой». На площадке сдерживает метания режиссера, мощно корректирует закадровую жизнь и порой получает тумаки за всю группу.

Тридцать один год назад они соединились – на радость и горе, унижения и славу, мучения и труд. Трижды расставались, но остались вместе.

Куда-то увозят жизнь

«ИЗ КАКОГО СОРА» выросло кино Германа и Кармалиты, ставшее классикой при жизни своих создателей? В огромной степени – из страхов и радостей, пережитых предшествующим поколением. Поколением родителей. Это они заполнили долгим эхом память и воображение. Вопреки всему наделили детей мужеством не бежать от драмы жизни, а двигаться к самой ее сердцевине.

...Отца Светланы Игоря Кармалиту (фамилия гуцульская), говорят, долгие годы вспоминали в Киеве с благодарностью. Студентом его мобилизовали в НКВД, а он («как человек легкомысленный, Светка вся в него») предупреждал людей об арестах и обысках. В 45-м он погиб на фронте. Маленькая Светлана с матерью остались в оккупации в Киеве. Однажды помогали соседям донести пожитки и оказались в Бабьем Яре. Немец-охранник увидел русопятые лица и вышвырнул их оттуда... После войны Светланина мать вышла замуж за писателя Александра Борщаговского, и Светлана до сих пор считает его лучшим отцом в мире.

Что касается Германа, родители будто всегда с ним рядом – в его рассказах, анекдотах – и в сознании. Надежная стена отцовского присутствия до сих пор определяет многое в поведении Германа-человека и поэтике Германа-режиссера. Со дня смерти отца Алексей Герман, думают люди, которые хорошо его знают, не сильно изменился: в нем по-прежнему живет мальчишка, по-детски бесстрашный и по-взрослому нуждающийся в защите. Дети своего века, Герман и Кармалита, круто замешаны на прошлом, это и помогает понимать настоящее, будущее и вечное.

Блистательный рассказчик, из потока дней он без усилий намывает золотые крупицы художественных моментов. И о своем романе с эпохой и Светланой лучше всего рассказывает сам.

– Мама папе сказала про Сталина: будет грызть собственные кости. В это время они изготавливали меня, очевидно, разговор был в паузе. Сказала и дико испугалась, что донесет. А у них была большая любовь.

Наступил тридцать седьмой год, посадки шли страшные, мама жила в Одессе, уже беременная. И стоял вопрос, выходить ей замуж за папу или оставаться с прежним мужем. Чтобы меня скинуть, она все время поднимала ванну. Пока папа не позвонил и не сказал: давай его оставим, а то у нас семьи не будет. И меня оставили, уже чуть живого, я практически отцепился. Потому у меня до сих пор дела идут вкривь и вкось, что меня еще в самом начале пытались выкинуть...

Помню маму в клубах папиросного дыма: она все время сидела и курила, потому что готовилась к самому худшему. А папа всегда готовился только к самому лучшему. На все упреки отвечал: указчику – говно за щеку! И – фюить! – куда-нибудь в Ташкент. Все время где-то мотался, зарабатывал, крутил бешеные романы. Стеснялся, что у него много денег, поэтому их раздавал...

Он был очень хороший человек, в нем было много детского. Людей он любил непостижимо глупых. Обожал генералов, секретарей обкомов, полковников милиции, которые совершают поступки, «берут на себя»... «Добро должно быть с кулаками» (лично я добра с кулаками никогда не видел, всегда по-отдельности). Но с отцом у меня была жутко плотная связь. Когда он заболел, при виде его врача у меня начиналась медвежья болезнь. Мы страшно за него боялись, а надо было делать вид, что все хорошо. В онкологической клинике я был свой человек: сидел там сутками, печатал свои сценарии.

А мама была интеллигентка, врач-бактериолог из богатой в прошлом семьи. В Финляндии у них была усадьба, в Петербурге – дома. Она дружила с Тыняновыми, за ней ухлестывал Маяковский... Она мне много рассказывала про тогдашнюю петроградскую знать. Я маму очень любил.

Она жутко боялась, что я останусь один перед этой страшной жизнью. Но когда пришел «майор бронетанковых войск» Светка и сказал: левый фланг мы поставим справа, а правый – слева, мама, естественно, опешила. Они не то чтоб ругались, но – молчали друг на друга. Как у Шварца: вы слышите, как народ безмолвствует? Когда я Симонову (мы называли его КаэМ) пожаловался, что от них повешусь, он мне сказал: «Лёша, я был женат пять раз, и мама ни разу не могла мне этого простить».

Четыре года назад мы летели из Швейцарии. Мне приснился дурной сон, что мама умерла. Светка пошла в аэропорту звонить в Ленинград и услышала: Татьяна Александровна десять минут назад умерла. Она ничего мне не сказала, но ее вдруг стало дико рвать. Только когда мы прилетели домой и я увидел, сколько народу меня встречает, я понял, что мамы нет.

...На Марсово поле, в огромную четырехкомнатную квартиру, мы с родителями переехали, когда мне было десять лет. Примерно через пятьдесят лет я уезжал оттуда навсегда... Сначала вынесли всё из одной комнаты, потом из другой, третьей. Оставили один стул. Потом сказали – стул освободить. Я спустился во двор, мне поставили табурет. Я сидел во дворе среди помойных баков, толстый старый человек, и смотрел, как все эти пятьдесят лет грузят в какие-то грузовики, как всю эту жизнь увозят куда-то. Тоска была смертная...

На хрена тебе этот Пискатор?!

ВСЁ началось в 68-м году.

– У меня была жена Верочка. Манекенщица. Милая, добрая, дико наивная, я женился на ней лет в девятнадцать. Помню, как я однажды улетал на юг, – отец уже умер, меня провожала Верочка. Я оглянулся и сказал себе: больше не хочу! При папе это еще было можно: был дом, был умный человек, было с кем говорить. Без него все рассыпалось. Абсолютное одиночество.

На юге я познакомился со Светкой.

Помню, как я ее увидел в Коктебеле, и иногда думаю: надо было мне быстро повернуться, выйти на шоссе, поймать машину, доехать до аэропорта и сесть в самолет. И ничего бы этого не было! Была б совершенно другая жизнь.

Но я вернулся в Ленинград, все сказал Верочке и уехал к Светке в Москву. Она занималась каким-то режиссером Пискатором, училась в Институте истории искусств, они сидели в ВТО, курили сигареты и рассуждали о дореволюционном театре. А я тогда только начал «Проверку на дорогах». Мы поехали в экспедицию, в Калинин, надо было снимать зиму. Только приехали – все растаяло, и начался сумасшедший дом.

Вся группа пьет, у всех бабы, к кому ни постучу, выскакивает потный: «Пожалуйста, через 15 минут, Алексей Юрьич!» Я хожу один по гостинице, чего делать, не знаю. Позвонил Светке и говорю: «Слушай, кому на хрен нужен этот твой Пискатор?! Давай бросай все и приезжай сюда! Поставим на одну лошадь, может, она нас куда и вывезет».

Светка очень любит рассказывать, как я после этого ее не встретил... Выезд на съемку был в семь утра, откуда ж я знал, что она со своими чемоданами тоже в семь приедет?!

И мы начали вместе работать. Чем дальше, тем ближе. Я всегда знал, что меня из профессии режиссера будут выгонять, гробить, не дадут снимать. Писать под Светкиной фамилией вдвоем мы начали еще до больших неприятностей. Когда мы пишем, спорим до смертоубийства. Я Светку чувствую по спине, по тому, как она сидит, скрючившись, некоторое время терпит-терпит, потом говорит едко: «Да, Лёша, это не получилось!» И пошло, как камни покатились.

У нас был сценарий, который она выхватила из горящей печки. «Похождения Дика Шелтона, баронета, никогда не ставшего рыцарем». Она надо мной так измывалась, что я взял и бросил рукопись в печку. Светка как начала ее оттуда выбрасывать, склеивать!.. В Сосново мы тогда жили. Счастливая была жизнь.

Верблюд плюется в сторону

РЕЖИССЕР, снявший самые тяжелые фильмы в истории российского кино, Герман обладает громадным юмором: иногда черным, иногда человечным. Сосуществовать с женщиной, которая не понимает шуток, он бы не смог... Кармалита понимает всё. С виду смиренная, она тонкий мастер интриги (плетущейся, «чтобы Лёшечке было хорошо») и владеет широким диапазоном ролей – от Макиавелли до ассенизатора.

– На «Двадцати днях без войны» меня ненавидели лютой ненавистью, потому что я всех заставлял жить в поезде. В нем мы ездили и снимали.

И вот на одном полустанке репетиция. Вся группа осталась на платформе, а я спустился вниз, со мной верблюд и две женщины, репетируем кадр. Я чувствую, что верблюд меня не любит, вот-вот плюнет, и стараюсь держаться в сторонке. Я же не знал, что он вбок плюется! Я только помню: вдруг у него открывается губа, и он меня окатывает чем-то зеленовато-клейким, вонючим, передать нельзя! – деревенский сортир в июле по сравнению с этим озоновая дыра – с головы до ног, литра четыре! И ликование на площадке такое – ни один Чарли Чаплин в воинской части этого бы не добился! Люди обнимались и плакали! Ощущение было парада Победы.

Светка бежала впереди и кричала: всем уйти с дороги, всем уйти с дороги! Закрыть двери в купе! А за ней шел вонючий, клейкий кусок зеленого дерьма. Это был я.

Потом с меня что-то сдирали, везли хлорировать, я зимой остался в майке... Но помню счастливого Федосова, счастливую Гурченко...

В другой раз вся группа отказалась со мной работать и вышла из автобуса. Мы ехали со съемок, возбуждение еще не улеглось, и я то к одному прискребусь, то к другому – почему это было не так, то было не так?! Наконец оператор закричал: я устал! Я 12 часов работал, а ты мне переедаешь мозги! Пошел к черту, остановите автобус, я пешком пойду! Вскочил художник и говорит: ты меня достал! И вышел. И вся группа встала и вышла. Я остался в автобусе один. Светки не было – она уехала в Москву. И я сказал водителю: трогай! Доберутся как-нибудь. И уехал.

А они остались. В сорока километрах от жилья в экзотических костюмах после съемки. На их счастье, сзади ехала наша пожарная машина, они вернулись на ней, вначалку, зацепившись зубами за бампер.

А утром приехала Светка, побежала по номерам всех мирить: «Вы котика тоже обхамили...», и все сгладилось. На съемках я вообще стараюсь, чтобы она работала со мной, от этого толк и мне, и картине, но она больше всего любит руководить движениями народных масс или принять участие в том, от кого монтажница беременна (хоть ее, Светкин, муж с этим никак не связан)...

Герман целиком отстранен женой от житейского. Проницающий суть бытия, он ничего не знает о быте. Кармалита вывела его за скобки всех забот. Отучила включать газ, чинить пробки, объясняться с малярами, сантехниками и таксистами. В реальной жизни он беспомощен настолько же, насколько мощен в искусстве.

– Она это нарочно делает, – злобно сказал он мне однажды в Репино, куда я приехала брать у него очередное интервью. *– Мы поссорились, она уехала в Москву, а теперь даже кофе не выпить: черт его знает, как включать кофеварку! Надо самому учиться все делать, а как только я выучусь, она вернется!*

Герман отлично знает, сколько тысяч долларов нужно, чтобы снять картину, но в рублях соображает плохо.

– Однажды Светлана выбросила свои старые вещи: кеды, джинсы, шапочку, повесила их во дворе. Я гуляю с собакой и вижу: на меня идет Светка. Приглядываюсь: это не Светка, это бомж, который надел все эти вещи на себя. Но мало того – это мой соученик по институту. Мы с ним говорим про искусство, про то, что творится в мире, и, естественно, он просит у меня денег. Захожу на всякий случай в магазин, даю ему какие-то бумажки, он на меня смотрит как-то нехорошо – и уходит быстро. Я решил, что ему мало дал и наверное обидел, но за ним бежать тоже как-то глупо...

Возвращаюсь, а Светка про меня уже все знает: «Тебя долго не было, и я зашла в магазин. Мне сказали, ты пришел с бомжом, дал ему чудовищную сумму, и он сразу ушел...»

Хорошо, что я за ним не побежал...

Все наши экспедиции мы вспоминаем, как Хемингуэй – «Праздник, который всегда с тобой». На «Двадцати днях» у нас был вагон-ресторан с хозяином – одесским евреем и помощниками-таджиками. Ворьё. Еду нам они добывали так: снимали с платформы съемочную «чайку» и грабили соседние колхозы. И вот мы со Светкой приходим к ним обедать, а там висит огромный портрет Сталина. Я говорю:

– Снимите, пожалуйста!

– Почему это?!

Я им: я вас сейчас отцеплю! Они мне: ох, ох, ох – отцепляй! В конце концов все-таки поменяли Сталина на Гурченко (ресторанщик был в нее влюблен). Пришел утром Никулин, сел и, поедая яичницу, сказал: при Сталине кормили лучше!

Розные люди

ПОМНЮ, как я увидела их первый раз на «Ленфильме» много лет назад. Он – громогласный и задиристый, она – тихий воробушек.

– Думаешь, кто у них главный? – спросил меня бывалый приятель-киношник.

Я посмотрела на него как на идиота: «Герман, конечно!»

– А вот и нет! Запомни: Германа делает Кармалита.

Прошло почти двадцать лет. И я спрашиваю Германа об исторической роли Кармалиты.

– Я давным-давно бросил бы эту профессию, не пережил всех этих диких унижений, не имел бы из-за этого инфаркта и гипертонии, давным-давно уехал бы в Америку и ничего бы этого не снял, если б не она.

Герман и Кармалита – люди не просто разные, но, как говаривал классик, розные. Их сложная жизнь («наша каша», говорит Герман) на этой розности и заварена.

– ...Я ей говорю: как можно так радоваться всему, когда все равно знаешь, что умрешь?!

А она: пока же ты не умираешь?

– Нет.

– Ну, так и радуйся, что не умираешь!

– Я не могу радоваться, что не умираю, когда я знаю, что умру все равно. И никто меня не выручит.

А она: но ты же еще жив, котик!

Кармалита никогда не дает интервью. Света, уговариваю ее, ты пойми: дело же не только в этом конкретном фильме...

– Нет, – она обрывает резко, – дело **только** в этом. Тридцать лет дело в этом! И еще дело в том, что Лёшу никто не знает. И я его не знаю. Его невозможно знать...

Что ж, ей виднее. Кармалита имеет дело и с темными закоулками души мастера, и с тяжкой копотью повседневности. Константин Симонов недаром подписал ей первую афишу «Двадцати дней без войны»: «Самому храброму в нашей далеко не робкой компании...»

– На каждом фильме наступал момент, когда я говорил: Светлана, я отказываюсь!

– А она?

– Подожди до завтра, котик, давай доживем до завтра. А завтра – до послезавтра, а послезавтра – до послепослезавтра... А потом картина снята.

Если Герман задет или обижен, он становится агрессивным, как бешеный бык. Те, кто бывал на съемках, знают: наступает момент, когда в атмосфере сгущается электричество. Воздух начинает вибрировать, группа незримо вбирает голову в плечи. И никогда нельзя угадать, чем кончится – шуткой или чудовищным скандалом.

– Понимаешь, – сказал мне один их многолетний соратник, – это происходит даже не от личной трусости. Больше от страха, что он уйдет и неделю не появится на площадке. Без него все останавливается.

Наиболее чуткие (и первая – Кармалита) знают: если Герман бушует, топчет свою шапку, если на площадке стоит ор и висит мат, это, скорей всего, потому, что он что-то делает неправильно, а что – еще сам не понимает. Обвинив всех подряд, он уйдет и будет три-четыре дня думать, как все переделать. А когда вернется, будет спокоен и уверен.

– Алексей Юрьевич, а Света тоже вас боится?

– Нет, Света меня не боится. Она, что называется, моя хозяйка, до момента, когда я сатанею. Когда я сатанею, она откатывается в угол. Но я и сам не люблю с ней ссориться. Тут же стараюсь помириться.

– Почему?

– Одиночество, старуха. Знаешь, как сказал один мудрец: одиночество – хорошая вещь, но совершенно необходимо, чтобы рядом был человек, которому можно сказать, что одиночество – хорошая вещь...

– А Лёшка (сын учится во ВГИКе. – ***М.Т.***) показывает вам свои работы?

– Мне нет, Светлане – да.

– Почему?

– Ну, как бы тебе сказать... Вот ты как к Кантемиру относишься?

– ???

– Вот и он так ко мне приблизительно. Позавчера звонит: мы сидим с ребятами, сочиняем рекламу шампуня (чтобы заработать одному из них). Я лежу, как чудак, придумываю, что нашли снежного человека, он весь свалявшийся, страшный, помыли в шампуне, и во что он превратился... Светка им перезванивает срочно: папа придумал... Да мы уже всё сделали, нам не надо! И даже не спросили, что там папа придумал.

Ёрник с душой поэта, Герман возбудим и мнителен. В нем, знаменитом, живет невероятный трепет. Он никогда не смотрит отснятый материал. Когда его привозят из проявочной, он в просмотровый зал не входит. Сидит дома или в студийном кафе, страшно волнуется и ждет. И лишь когда появляются Кармалита, оператор, ассистенты и говорят: «Хорошо!» – он идет смотреть. Боится самоповторов, банальности, боится не дотянуть до самого себя. Вокруг него – жесткие профессионалы, у которых за плечами ВГИК. Герман – театральный режиссер, ученик Товстоногова и высокий дилетант (таким себя считал и Феллини). Производство ему до лампочки, ему важно одно – хорошо снять.

Герман не терпит скуки, ему надо, чтобы все «горели». Но както во время съемок «Хрусталёва» смотрели дубли в просмотровом зале, не выходя, много часов подряд. Жизнерадостная ассистентка режиссера впархивала с чаем и весело упархивала. Наконец Герман мрачно молвил:

– Представляете, я б развелся со Светкой, женился б на такой, просыпаюсь, а она щебечет, щебечет,щебечет – так бы и убил!

...Когда снимает, способен говорить только о работе. Двадцать четыре часа в сутки – о героях, их обстоятельствах, о деталях, о смысле и задачах. В течение восьми часов рабочей смены у него множество собеседников, в остальное время – одна Светлана.

Однажды она уехала, Герман в доме остался один и попросил приятеля пожить с ним. Через 15–16 часов непрерывных разговоров о снимающейся картине приятель робко предложил разойтись по комнатам, почитать. И через минуту из соседней комнаты услышал телефонный разговор с Москвой:

– Светка, он меня ненавидит, он не хочет со мной разговаривать!

Что сказал табачник с Табачной улицы

...ВО ВТОРОМ дворе «Ленфильма» горел костер, стелился бутафорский туман, стояли люди в сером с нечеловеческими лицами («черты стерлись о коммунизм», – сказал о таких Платонов). У костра сидел известный всей стране шоумен, – сделанный почти неузнаваемым: в бороде, тяжелых сапогах со шпорами, меховом плаще, с запекшейся кровью на руках и скулах... Шли пробы артиста на главную роль.

...В маленькой ленфильмовской комнатушке, на дверях которой написано «Трудно быть богом», одна стена заклеена десятками картинок: средневековая живопись, рисунки, гравюры, костюмы, детали. Другая, напротив, десятками фотографий портретных кинопроб. Все лица – невероятно выразительные, со шрамами, странной асимметрией черт. Так возникает жесткое облучение новой реальности...

– Это наш мир, наш – вшивый, несчастный, ничтожный, лагерный...

Из романа Стругацких в режиссерском сценарии до капли отжата романтика, ее место занимает безнадежное знание **цены** происходящего.

– Я не собирался снимать политическую картину. Но как-то дико начинает все совпадать – этот жалкий король, этот приход черных, этот город, где все горит, иезуит, захватывающий власть, какие-то либералы, которых ведут на веревках. И герой, у которого нет иного выхода, как убивать.

Герман не повторит вслед за Мандельштамом: «чтоб не видеть ни труса, ни хлипкой грязцы, ни кровавых костей в колесе...» Он – видит. Фильм еще не снят, а окружающая жизнь уже начинает роковым образом тяготеть к создаваемому миру.

– Раб Руматы все время говорит: «У меня есть друг, табачник с Табачной улицы, умнейший человек, он сказал...» А тот ему все время отвечает: замолчи, пошел прочь! И в финале, когда больной Румата остается на этой планете умирать, раб в последний раз говорит: а у меня есть табачник с Табачной улицы, умнейший человек, он считает... А тот ему – заткнись! Так кончается картина. И я хочу назвать ее «Что сказал табачник с Табачной улицы»... Может, табачник и понял что-то, чего не понимаем все мы...

...Быть или не быть богом – у Германа этого выбора уже нет: «Я старый человек, мне нужно или хорошее кино, или никакого!» Он подписывает вежливое письмо, отклоняющее честь быть представленным на премию «Оскар» в числе лучших зарубежных фильмов. После Канн он больше не хочет участвовать в фестивалях, не хочет претендовать ни на какие награды. Но для него была и остается самым главным целлулоидная пленка, по которой будет ясно, для чего прошла жизнь.

Марина ТОКАРЕВА

ОБЩАЯ ГАЗЕТА

Главный редактор номера: Егор ЯКОВЛЕВ
Газета зарегистрирована в Мининформпечати РФ 20 августа 1991 г. Рег. № 1054
© **Общая газета.** Перепечатка допускается по соглашению с редакцией,
ссылка на «ОГ» обязательна
Правовое обслуживание газеты осуществляет Адвокатское Бюро «Резник, Гагарин и Партнеры» МГКА

Дизайн-макет: Семен ЛЕВИН, Борис МИРОШИН
Арт-директор: Андрей МАЛЬКОВ
Отдел рекламы:
Тел.: 915-75-23, 915-51-80. Т/ф: 915-26-06
Отдел маркетинга: Тел.: 915-53-81
Связи с общественностью:
Валерия ГАЛЛАЙ, Евгения СОЛОУХИНА
Тел.: 915-70-40

Вёрстка компьютерного центра «Общей газеты»
Технический директор
Валерий МАКАРОВ

С этим знаком и в рамках публикуются пресс-релизы, информационно-коммерческие материалы. Редакция не несет ответственности за содержание рекламных текстов

Отдел распространения: Людмила ЛИР. Тел.: 915-53-89
Общий тираж «ОГ» – **288168 экз.** (региональный – 212000 экз.)

Цена свободная
Розничное распространение в Московском Метрополитене – агентство «МЕТРОПРЕСС»
в С.-Петербургском Метрополитене – ООО «МЕТРОПРЕСС»
МЕТРОПРЕСС

Отпечатано в ОАО ПО «Пресса-1», 125865, ГСП, Москва-137, ул. Правды, 24.

Номер подписан в печать 10. 11. 99 г.
Заказ 2629.

Наш подписной индекс: 32138

Адрес редакции: 109240, Москва, ул. Гончарная, д. 1. **Справки по телефону:** 915-22-88; факс 915-51-71, **e-mail:** ogtech @corbina.ru. **Электронная версия «ОГ» в Internet: www.og.ru** (а также в базах данных www.park.ru; www.nns.ru; www.integrum.ru; www.russianstory.com). **Адрес «Гостиной «ОГ»:** 121151, Москва, Кутузовский пр., д. 22

Редакторат: Дмитрий ДОКУЧАЕВ, Владимир КИСЕЛЕВ, Анатолий КОСТЮКОВ, Юрий ПАТРИН, Юрий СОЛОМОНОВ, Ольга ТИМОФЕЕВА, Владимир УМНОВ, Егор ЯКОВЛЕВ, Виталий ЯРОЩЕВСКИЙ. **Дирекция выпуска:** Елена БОГОМОЛОВА, Евгений СЕМЕНОВ, Светлана КАРТАШЕВА (корректура).
Руководители направлений: Наталья ГРИГОРЬЕВА (город), Ирина ДЕМЕНТЬЕВА (мнения), Елена КОКУРИНА (наука), Людмила КОМЛЕВА (интернет-версия), Наталья КРАМИНОВА (этика), Илья МЕДОВОЙ (мировоззрение), Елена СКВОРЦОВА (право), Дмитрий ФИЛИПЧЕНКО (спорт), Борис ЮНАНОВ (международная жизнь).
Обозреватели: Олег ВЛАДЫКИН, Елена ДИКУН, Елена ЕРМОЛЕНКО, Геннадий ЖАВОРОНКОВ, Виктор ЛИТОВКИН, Альберт ПЛУТНИК, Юрий РОСТ, Борис СИНЯВСКИЙ, Дмитрий СОКОЛОВ, Елена ТОКАРЕВА, Марина ТОКАРЕВА, Дмитрий УХЛИН.
Представители за рубежом: Эльмира АХУНДОВА (Баку), Евгений БАЙ (Вашингтон), Сергей БОРИСОВ (Алма-Ата), Эдуард ГОВОРУШКО (Рига), Лариса ДЯЧУК (Киев), Наталья ЛОПАТИНСКАЯ (Вильнюс), Федор РЮРИКОВ (Прага), Алексей СЛАВИН (Берлин), Армен ТИГРАНЯН (Ереван), Борис ШЕСТАКОВ (Будапешт).
Исполнительный директор Наталия КЛОЧКО. **Финансовый директор** Елена ПАНОВА. **Директор по развитию** Елена РЫМКО.

321